

Игра королей и короли игры

Кубок — 2000 —
28 Дек. — с. 10

Концерты “Виртуозов Москвы”

Перефразируя Наполеона, можно сказать, что мир музыки сегодня принадлежит тем, кто рано встает. В Большом зале Московской консерватории “Виртуозы Москвы” под управлением Владимира Спивакова дали два традиционных предновогодних концерта, предварив их бесплатными утренними генеральными репетициями “для московской интеллигенции”. Зал был полон до откидных стульчиков. Кроме Государственного камерного оркестра, в концертах принимали участие аргентинский пианист Брюно Леонардо Гельбер и смешанный детский хор под управлением В.Попова.

Из “Коронационной мессы” Моцарта легко (имея хороший детский хор) сделать прекрасное воздушное пирожное. По этому пути В.Спиваков не пошел. Из нее также возможно “изготовить” фантастическую тиару, которую не носят, а хранят в музее за пуленепробиваемым стеклом, — немыслимое, сверкающее богатство этой музыки позволяет. Нет, дирижер играет ее супердинамично. В ней он не предстал также ни философом, ни реставратором стиля, хотя что-то из этих ипостасей мы найдем в его прочтении Моцарта — одновременно легком и серьезном, рациональном и игровом. Но тогда — кем?

Очень современным, светским до кончиков ногтей музыкантом с обостренным чувством красоты, создающим новую исполнительскую эстетику.

Общезвестно, что его оркестр отличает вкус к красивой музыке — качество, так украшающее именно камерный оркестр. В мессе Моцарта это неожиданно откровенно проявилось в Agnus Dei и опосредованно в Gloria. Не забудем, что еще четыре солиста (Е.Кичигина, сопрано, Ел.Новак, меццо, Дм.Кончак, тенор, Ал.Виноградов, бас) в меру личных возможностей должны были соответствовать этой эстетике, что, видимо, отвлекло их от мозартовской метафизики.

После антракта на первой утренней репетиции выступил

Фото ИЛОГИНОВОЙ

В.Спиваков

Брюно Леонардо Гельбер со Вторым фортепианным концертом Бетховена (вечером был заменен на Десятый концерт Моцарта), пианист нашей публике неизвестный, зато весьма известный французской, английской, американской и даже австралийской. Он произвел впечатление своим туше (на многих) и отсутствием идиллического, заодно и анакреонтического подхода к музыкальному тексту венских классиков (абсолютно на всех), когда совершен строжайший отбор образов, но так незаметно, что, кажется, игрой управляют общие музыкальные формулы той эпохи, к которым музыкант чувствует сердечное расположение.

Дубль следующего дня — программа утренняя и вечерняя — был не менее эффектен. Влади-

мир Спиваков выступил соло в Концерто фюнебре для скрипки с оркестром Хартмана. Он сыграл без всякого снижения собственной планки, но все же не перелетев через нее на недостижимой высоте, на что способен, по утверждениям знающих людей, даже без публики, в частном контакте. Один из наших жутко популярных телеведущих, мужчина неробкого нрава, в последнем интервью рассказал, что стесняется себя самого, когда Спиваков берет собственного Страдивари и хочет показать, как звучит Массне... Что касается нас в зале, то ощущения песчинок у ног гения мы с утра не пережили, но успех был настоящий.

Звучал еще в воскресенье Первый фортепианный концерт Бетховена, в котором оркестр и

солист еще лучше чувствовали друг друга, звучал беспроегранный бис В.Спивакова — адажио Гайдна и, наконец, трижды беспроегранный “Прощальная симфония”.

Кстати, начиная с “Коронационной мессы”, кое-кто все мечтал о мистике. Так вот запах свечей, задутых ушедшими со сцены музыкантами, дошел до последних рядов одновременно с последними взмахами смычков двух скрипачей, закончивших последнее Adagio. В одном из них совершенно растворился блестящий маэстро, превратившись в рядового солдата музыки, как в свое время Дмитрий Донской, надевший на историческом Куликовом поле доспехи простого русского воина.

Ирина КОСМИНСКАЯ